

ДАНА СОН

До первого снега

Дана Сон

До первого снега

<https://litres.ru/74676869>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кондитеру Юн Хэри нужно сто сорок миллионов вон, а наследнику отельной империи Пэк Ихёну нужна невеста, которой не будет. Договор пишут на салфетке в палатке у реки: держаться за руки на людях, не спрашивать о прошлом, не влюбляться. И всё это только до первого снега. Ни он, ни она не знают, что много лет назад, в тайфун на Чеджу, их семьи уже связала одна верёвка от лодки. Роман для тех, кто любит корейские дорамы: договор на салфетке, уличная еда, снег над рекой Хан и тайна, которая связала две семьи.

Содержание

Глава 1. Рамён в два часа ночи	5
Глава 2. Торт для председателя	16
Глава 3. Договор на салфетке	27
Глава 4. Воскресный ужин в Сонбук-доне	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дана Сон

До первого снега

Дана Сон

До первого снега

Серия «Сеульские сезоны», книга первая

* * *

Глава 1. Рамён в два часа ночи

В два часа ночи круглосуточный магазин у парка Мангвон пах лапшой, мокрыми зонтами и тем особым пластиковым холодом, который живёт в холодильниках с банановым молоком. Юн Хэри сидела за кассой и разговаривала с банкой.

— Ты не голодна, — сказала она строго. — Я кормила тебя в шесть вечера. Не смотри на меня так.

Банка с закваской стояла у неё на коленях, под кассой, завёрнутая в шарф. Сверху сквозь стекло было видно, как серая масса медленно поднимает пузырь, держит его, будто раздумывает, и отпускает. Закваску звали Председатель Ким. Имя придумала Соми, соседка Хэри по комнатке на крыше, после того как трижды подряд проснулась в шесть утра от того, что Хэри шептала в банку: «Сейчас, сейчас, госпожа председатель, уже несу муку».

— Капризная, требует еды по расписанию, и если ей не угодить, всё оседает, — сказала тогда Соми, зевая. — Председатель как она есть.

Хэри закрыла банку плотнее. В отеле, где она работала днём, закваску держать было негде, а в комнатке на крыше ночью опускалось до восьми градусов. Октябрь в Сеуле умел притворяться летом до обеда и зимой после полуночи.

Дверь звякнула. Хэри подняла глаза и сказала дежурное: — Добро пожаловать.

Вошёл мужчина в тёмном пальто. Пальто было из тех, которые в обычных магазинах не висят: длинное, мягкое, с плечами, которые сидели на нём ровно, как у манекена в витрине на Чхондам-доне. Под пальто белела рубашка без галстука. Волосы растрепал ветер с реки, и мужчина не стал их поправлять. Он прошёл мимо стойки с чипсами, мимо холодильника с соджу, остановился у полки с треугольным кимбапом и долго, очень долго смотрел на неё.

Хэри знала этот взгляд. Так смотрели студенты перед сессией и таксисты в конце смены: когда выбор между тунцом с майонезом и острой свининой кажется последним решением в жизни, которое ещё можно принять правильно.

Он взял тунец. Подумал. Положил обратно. Взял свинину. Потом снова тунец, а свинину оставил в руке тоже. Подошёл к аппарату для рамёна, изучил его, как изучают незнакомый прибор в чужой лаборатории, и вернулся к кассе с двумя треугольниками и пачкой острой лапши.

— Четыре тысячи двести, — сказала Хэри.

Он полез во внутренний карман пальто. Потом в другой. Потом в карманы брюк. Лицо у него при этом не изменилось совсем, только пальцы стали двигаться медленнее, и Хэри поняла раньше, чем он сказал.

— Кошелёк, — произнёс он, глядя куда-то над её плечом.

— Остался в машине. Машина уехала.

— Телефон?

— Сел.

Он сказал это так спокойно, что Хэри чуть не рассмеялась. Человек в пальто стоимостью в её трёхмесячную зарплату стоял ночью у кассы без денег и связи и объявлял об этом голосом диктора, который зачитывает курс валют.

— Можно оставить, — сказал он и положил кимбап и лапшу на стойку аккуратно, этикетками к ней. — Извините за беспокойство.

Он повернулся. Хэри посмотрела на его затылок, на руку, которая уже тянулась к двери, на пустую улицу за стеклом, где ветер гнал по асфальту чей-то стаканчик из-под кофе.

— Подождите.

Она пробила всё на свой номер. Четыре двести списались с карты, на которой до зарплаты оставалось двадцать шесть тысяч. Хэри мысленно вычла из них автобус, муку и пачку яиц и осталась при своих.

— Это не нужно, — сказал он.

— Это уже сделано. Аппарат там, в кране горячая вода, кнопка синяя. Если нажать красную, обольёт кипятком, не нажимайте красную.

Он посмотрел на неё. Глаза у него были тёмные и очень усталые. Так устают люди, которые не спят годами и уже перестали это замечать.

— Я верну, — сказал он.

— Хорошо, — ответила Хэри, хотя знала, что никто никогда не возвращает.

Он нажал синюю кнопку. Хэри видела в отражении вит-

рины, как он стоит над бумажной миской, держа её двумя руками, и ждёт, пока вода дойдёт до черты. Он сделал это так сосредоточенно, что она отвернулась, чтобы не смутить его. Потом он вышел на улицу, к раскладным столикам у самой реки, и сел.

Через десять минут Хэри вышла выносить картон и увидела, что он так и не начал есть. Лапша разбухла в миске. Он смотрел на Ханган. Вода в два часа ночи была чёрная и гладкая, по ней тянулись длинные огни моста Сонсан, и где-то далеко по набережной ехал велосипедист с фонариком, такой маленький, что казалось, он едет по самой воде.

— Остынет, — сказала Хэри.

Он вздрогнул.

— Я не голоден.

— Тогда зачем покупали?

Он подумал над этим вопросом всерьёз.

— Здесь нужно что-то держать в руках. Иначе выглядишь как человек, который собирается прыгнуть.

Хэри села на соседний стул. Ветер забрался ей под форменный жилет, и она натянула рукава кофты на пальцы.

— Вы собираетесь?

— Нет. Я плохо плаваю.

Она засмеялась, коротко, против воли. Он чуть повернул голову, и уголок его рта дрогнул, но улыбкой это стать не успело.

Хэри полезла в карман жилета и достала бумажный свёр-

ток.

— Вот. Раз уж вы всё равно не едите лапшу.

В свёртке лежала булочка. Круглая, с трещиной сверху, с ореховой корочкой. Хэри пекла её сегодня в четыре утра в отеле, из своей закваски и своей муки, в углу, отведённом под пробные изделия. Шеф До разрешал контрактным делать одно своё изделие в неделю, если они потом приберут. Эта булочка должна была стать её заявкой на конкурс новых позиций для кофейни в лобби. Хэри съела одну половину партии сама, вторую раздала уборщицам, а последнюю носила в кармане весь день и не могла решить, хорошая она или нет.

Он отломил кусок. Пожевал. Хэри смотрела на его лицо, как смотрела бы на экзаменатора.

— Ну?

— Хотите правду?

— Нет, — сказала Хэри. — Хочу, чтобы вы сказали, что это лучшее, что вы ели в жизни. Но давайте правду.

Он отломил ещё кусок и рассмотрел мякиш в свете фонаря.

— Корка хорошая. Внутри орехи, мёд, что-то кислое. Это закваска?

— Да.

— На вкус как извинение.

Хэри моргнула.

— Как что?

— Как будто тот, кто её пёк, извинялся. За то, что положил слишком мало мёда, потому что мёд дорогой. За то, что сделал кислее, чем хотел, потому что боялся, что будет при-
торно. Она вкусная. Но она всё время просит прощения.

Хэри открыла рот, чтобы возмутиться, и закрыла. Мёда действительно было мало. Мёд стоил двенадцать тысяч за банку, и она купила маленькую. Кислоты было много, потому что она испугалась, что шеф скажет «слишком сладко для лобби».

— Вы кондитер? — спросила она подозрительно.

— Нет. Я много ем в гостиницах.

— Командировки?

— Что-то вроде.

Он доел булочку до крошки. Потом, видимо, вспомнил о лапше, и съел и лапшу, быстро, не поднимая головы, как едят мальчишки после футбола. Потом поставил пустую миску на стол и подержал над ней ладони, над последним паром, как держат руки над костром. Пальцы у него были белые от холода. Хэри сидела рядом и смотрела на реку. Председатель Ким в сумке у неё на коленях грел ей живот.

— Почему вы работаете ночью? — спросил он, когда миска опустела.

— Днём я работаю днём.

— Это не ответ.

— Это ответ человека, который знает вас двадцать минут.

Он кивнул, принимая условия.

— Справедливо.

Над рекой медленно прошёл самолёт, мигая красным. Он проводил его взглядом.

— Я прихожу сюда, потому что в два часа ночи никто ничего от меня не ждёт, — сказал он вдруг. — Все спят. Нет звонков. Нет совещаний. Здесь меня никто не знает.

— Я вас тоже не знаю, — сказала Хэри.

— Это хорошо.

Он встал, аккуратно сложил пустую миску в обёртки от кимбапа, отнёс в урну, разделив по видам мусора, бумагу отдельно, пластик отдельно. Хэри смотрела на это с уважением: так тщательно ночные посетители не разделяли никогда.

— Спасибо, — сказал он. — Я верну четыре тысячи двести.

— Купите себе зарядку для телефона, — ответила Хэри.

Он ушёл вдоль реки к мосту. Пальто его стало чёрным пятном, потом пропало. Хэри вернулась за кассу и до шести утра пересчитывала сигареты.

* * *

В семь сорок она уже стояла в цехе на минус втором этаже отеля «Пэксан Сеул», в белом кителе, с волосами под сеткой, и пыталась не зевать на виду у Кан-сонбэ.

Кан-сонбэ была старшей кондитерской смены уже девять лет. Она различала контрактных и штатных по звуку шагов. Штатные шли уверенно, контрактные старались ступать тише.

— Юн Хэри, — сказала Кан-сонбэ, не оборачиваясь от темперирующей машины. — У тебя мука на брови.

Хэри вытерла бровь. Мука была на другой. Кан-сонбэ знала это и не поправила.

Цех жил своей жизнью, где не бывает дня и ночи. Гудели печи. Шипел сироп. Кто-то ругался шёпотом над разбитым меренговым кольцом. Пахло маслом, ванилью и тем горячим сахарным духом, от которого в первые недели работы у Хэри кружилась голова, а теперь она его не замечала.

— Все к столу, — сказал шеф До.

До Сыну был шеф-кондитером отеля четвёртый год. Ему было тридцать два, но в цеху он казался моложе всех: смеялся громко, ел крем прямо с лопатки и знал по именам детей уборщиц. Контрактных он называл «наши», и только поэтому Хэри до сих пор не сбежала.

— Через десять минут к нам спустится исполнительный директор, — сказал Сыну. — Новый. Вернее, старый, но новый для нас. Он вернулся из Сингапура и будет курировать всё, что связано с едой в отелях группы. Значит, нас.

По цеху прошёл шорох.

— Сын председателя, — шепнула Хэри на ухо младшая кондитерша Юна. — Говорят, он уволил весь отдел обслуживания в Сингапуре за одну неделю.

— Не весь, — сказал Сыну, который слышал всё. — Половину. И то по делу. Он мой друг, не бойтесь его. Бойтесь меня, если вы сейчас не уберёте со стола эти мятые салфет-

ки.

Салфетки исчезли. Хэри поправила сетку на волосах, и в этот момент открылась дверь служебного лифта.

Первым вышел мужчина в сером костюме с планшетом, гладко выбритый, с таким выражением лица, будто его вырезали из бумаги. За ним вышел второй.

Хэри узнала пальто ещё до того, как увидела лицо. То же длинное тёмное пальто, только теперь застёгнутое на все пуговицы. Волосы уложены. Телефон, судя по всему, заряжен: секретарь с планшетом держал его в руке, и экран светился.

Мужчина прошёл вдоль стола, кивая. Сыну шёл рядом и что-то объяснял, и мужчина отвечал коротко, одним-двумя словами. Хэри стояла в самом конце, рядом с подносом пробных изделий, и смотрела в пол. Пол был кафельный, белый с серыми швами. Она насчитала тридцать два шва, когда чёрные ботинки остановились перед ней.

— Пэк Ихён, — сказал Сыну, — исполнительный директор. Ихён-а, это Юн Хэри, она у нас с весны. Делает лучший заварной крем в здании, только не говори ей, а то зазнается.

Хэри подняла глаза.

Он смотрел на неё без всякого выражения. Ни удивления, ни узнавания. Тёмные глаза, те же самые, и всё так же устали, только теперь вокруг них был яркий свет ламп, и усталость казалась строгостью.

— Юн Хэри, — повторил он, будто пробуя имя.

— Здравствуйте, директор, — сказала она. Голос прозвуч-

чал чуть выше, чем обычно.

Он перевёл взгляд на поднос. На подносе среди эклеров и мини-тартов лежали три её булочки, из новой партии, испечённой утром. Она положила в них вдвое больше мёда и уменьшила кислоту. Сама не знала, зачем. Наверное, из упрямства.

Он взял одну. Цех затих. Директор, который за неделю уволил половину отдела в Сингапуре, держал в руке её булочку, и Хэри видела, как Кан-сонбэ у темперирующей машины перестала делать вид, что работает.

Он отломил кусок. Пожевал. Помолчал.

— Мёда больше, — сказал он.

Сыну удивлённо поднял брови.

— Ты пробовал раньше?

— Нет, — сказал Пэк Ихён, не отводя глаз от Хэри. — Просто чувствуется. Она больше не извиняется.

В цеху его поняла одна Хэри. Уши у неё загорелись так, что она испугалась, как бы не задымилась сетка.

Он положил остаток булочки на салфетку, которую тут же подхватил секретарь, и повернулся к Сыну.

— Юбилей председателя через девять дней. Шестьдесят один год. Торт ещё не утверждён?

— Мы готовим три эскиза, — сказал Сыну. — Я, Кан-сонбэ и...

— Пусть четвёртый сделает Юн Хэри.

В цеху стало так тихо, что было слышно, как остывает ка-

рамель.

— Она контрактная, — сказала Кан-сонбэ ровным голосом. — Контрактные не делают изделий для семьи председателя.

— Теперь делают, — ответил он. — Эскиз к четвергу. Вкус к понедельнику.

Он сделал шаг к лифту, потом остановился и обернулся к Хэри. Посмотрел прямо, впервые за всё это время с чем-то похожим на живой интерес.

— И ещё, Юн Хэри.

— Да, директор.

— Если упадёт, я вас уволю.

Двери лифта закрылись за ним с тихим шелестом. Хэри стояла у подноса, держась за край стола, и чувствовала, как под кителем по спине медленно ползёт капля пота. Потом достала из кармана телефон. Там висело уведомление из банка: на её счёт поступило четыре тысячи двести вон. Отправитель не указан. В строке комментария стояло одно слово: «Зарядку купил».

* * *

Глава 2. Торт для председателя

— Камелии, — сказала Соми, глядя в эскиз. — Зимой? Ты уверена? Это же юбилей, а не похороны.

— Камелии цветут зимой на Чеджу, — ответила Хэри. — Когда всё остальное спит. Бабушка говорит, их любят за то, что они не опадают по лепестку, а падают целиком, всем цветком, ещё красивые.

— Вот я и говорю, похороны.

Они сидели на крыше, под гирляндой из лампочек, которую Соми выпросила у владельца дома в обмен на портрет его собаки. Внизу шумел Мангвон-дон: таксисты, доставщики на мопедах, студенты с пакетами из магазина. Над водяным баком висела простыня и хлопала на ветру, как парус. Хэри третий вечер подряд рисовала торт.

Торт получался простой. Три яруса, белая глазурь цвета рисовой бумаги, по боку тонкая линия чёрного шоколада, похожая на каменную стену Чеджу, и наверху камелии из сахарной мастики, красные, тяжёлые, с жёлтыми тычинками. Внутри бисквит с юдзу и белый шоколад, чуть-чуть соли.

— А что значит эта ленточка? — Соми ткнула карандашом в нижний ярус.

— Это узел. Бабушкин. Им привязывают сети, чтобы не развязались в шторм. Я им всегда завязываю коробки с тортами.

— Председателю шестьдесят один, у неё империя отелей, а ты ей рисуешь рыболовные сети.

— Я ей рисую то, что держит.

Соми посмотрела на неё поверх очков.

— Ты в него влюбилась, что ли?

— В кого?

— В директора, который вернул тебе четыре тысячи двести с комментарием.

Хэри положила карандаш.

— Он сказал, что уволит меня, если торт упадёт.

— Это и есть флирт у богатых, — уверенно сказала Соми.

— Я читала. Я рисовала. У меня был вебтун, где наследник говорил героине «ты уволена» в каждой серии, и у него было двести тысяч подписчиков.

— У наследника?

— У вебтуна!

Председатель Ким в банке на столе вздохнул большим пузырём. Обе посмотрели на него и замолчали. В последние дни Хэри замечала, что начинает воспринимать закваску как третью соседку.

* * *

В понедельник торт пробовали в малом зале на втором этаже. Четыре торта стояли на белой скатерти в ряд, и рядом с каждым табличка с фамилией. Табличку Хэри кто-то напечатал с ошибкой: «Юн Хэли». Она не стала поправлять.

Сыну подмигнул ей из-за своего торта. У него был шоко-

ладный купол с золотой пылью, очень красивый, очень дорогой, ровно такой, какой ждут на юбилее председателя. У Кан-сонбэ была классика с ягодами. Третий торт, от сушефа, напоминал скульптуру.

Пэк Ихён пробовал молча. От каждого по маленькому кусочку, вилкой, запивая водой. Секретарь Ли стоял за его плечом и записывал что-то в планшет, хотя директор ничего не говорил. Хэри потом узнала, что секретарь Ли записывал выражение лица.

Её торт он пробовал последним. Долго смотрел на разрез: белое, жёлтое, тонкая прослойка горького шоколада.

— Юдзу, — сказал он.

— С Чеджу, — ответила Хэри и сразу пожалела, что открыла рот.

— Почему Чеджу?

— У меня там бабушка.

Он поднял глаза на неё, и на одну секунду в нём что-то сдвинулось, как сдвигается вода в стакане, если тронуть стол. Потом всё стало прежним.

— Не извиняется, — сказал он, — и не хвастается. Подходит.

Шеф До засмеялся и хлопнул её по плечу так, что у неё лязгнули зубы. Кан-сонбэ молча забрала свою табличку. Сушеф спросил, можно ли доесть скульптуру.

* * *

Девять дней Хэри почти не спала. Ночные смены в мага-

зине она поменяла с напарником, обещав ему за это все выходные в ноябре. Сахарные камелии она лепила по вечерам в углу цеха, и Сыну оставался с ней, хотя его смена кончалась в шесть.

— Иди домой, шеф, — говорила она.

— Не могу. Если торт упадёт, Ихён уволит тебя, а потом меня, за то, что я тебя не уберёг. Я его знаю с девяти лет. Он обещает только то, что делает.

— С девяти лет?

— Мой отец возил их семью. — Сыну взял мастихин и поправил ей лепесток, который никак не хотел изгибаться. — Мы росли в одном дворе, только я в домике для водителя. Он делился со мной всем. Шоколадками из Швейцарии. Книгами. Однажды отдал мне свои новые кроссовки, потому что у меня порвались, а потом сказал матери, что потерял. Ему за это попало.

Хэри смотрела, как его большие пальцы аккуратно делают лепестку изгиб.

— Он был весёлый?

Сыну помолчал.

— Был. До одного лета.

Он не сказал, что случилось летом, а она не спросила. Сыну положил готовую камелию на сушилку к остальным. Их было уже двадцать три. Каждая весила, как настоящая, и пахла ванилью.

* * *

Юбилей председателя Хван Ынсук был в субботу, в большом бальном зале на тридцать восьмом этаже. Гости начали съезжаться в шесть. Хэри видела их только на мониторе в служебном коридоре: женщины в ханбоках современного кроя и в вечерних платьях, мужчины в смокингах, депутаты, которых она узнавала по новостям, актриса из дорамы, которую Соми смотрела всё лето.

Председатель стояла у входа и встречала гостей. Невысокая, прямая, в серо-жемчужном ханбоке, с гладким пучком седых волос. Она никому не улыбалась широко. Она кивала, и от её кивка люди почему-то кланялись ниже.

— Не смотри на неё так, — шепнул Сыну. — Она чувствует взгляды через камеры.

— Я просто смотрю.

— Я тоже просто смотрел, когда мне было десять. Потом три месяца не мог есть шпинат.

— Почему шпинат?

— Она смотрела на меня, когда я его ел. Иди проверь глазурь.

Торт стоял на тележке в холодной комнате. Три яруса. Двадцать три камелии. Хэри обошла его кругом, проверила, не поплыла ли где-нибудь глазурь, не сдвинулся ли верхний ярус. Узел на нижней ленте лежал ровно, как положено. Она дотронулась до него пальцем, как делала бабушка с сетями перед выходом в море.

Телефон в кармане завибрировал. Хэри отошла к стене.

Звонили из дома ухода в Ыйджонбу.

— Хэри-сси? Ваш отец сегодня очень беспокоен. Он всё спрашивает, где вы. Говорит, что вы на работе и что вам нужно отнести зонтик. Мы его успокоили, он сейчас в комнате отдыха.

— Он поел?

— Половину. Он говорит, что рис здесь хуже, чем у его жены.

Хэри закрыла глаза. Её мама умерла двенадцать лет назад. Рис у мамы действительно был лучше.

— Скажите ему, что я приеду в понедельник. Скажите, что зонтик у меня есть.

— Обязательно.

Она убрала телефон, постояла, прижавшись спиной к холодной плитке, и пошла обратно в холодную комнату.

В девять часов десять минут официанты выкатили торт.

Хэри шла сбоку от тележки, Сыну с другой стороны. План был простой: служебный коридор, поворот, лифт до тридцать восьмого, ещё один коридор, двери бального зала, свет гаснет, свечи, гости поют, председатель задувает свечу, свет загорается, все аплодируют. Хэри стоит у стены и не дышит.

Они дошли до поворота у служебного выхода в лобби, когда двери распахнулись, и в коридор, отодвинув охранника, вошёл пожилой мужчина в коричневой куртке.

Хэри узнала куртку раньше, чем лицо. Куртку она покупала сама три зимы назад на рынке Тондэмун, за тридцать де-

вать тысяч, и отец потом говорил всем, что это итальянская.

— Мёнок-а, — сказал отец радостно, глядя прямо на неё.
— Вот ты где. Я тебе зонтик принёс. Там дождь.

В руке у него был сложенный синий зонт. На волосах кап-
ли.

— Папа, — сказала Хэри. Голос у неё вышел тихий и чу-
жой.

Охранник уже шёл к отцу. Отец не видел охранника, он
видел только её, и пошёл ей навстречу, широко, как идут к
родным на вокзале, раскинув руки. Под ноги ему попало
колено тележки.

Хэри видела всё очень подробно. Как отец спотыкается и
хватается за край тележки. Как тележка дёргается в сторону.
Как Сыну бросается удержать её и держит, но верхний ярус,
самый маленький, тот, на котором были все двадцать три ка-
мелии, медленно, с достоинством, съезжает по белой глазу-
ри и падает на ковровую дорожку. Камелии раскатились по
красному ковру. Одна докатилась до ботинок охранника и
легла там на бок.

Отец сидел на полу и держал Хэри за руку.

— Ничего, Мёнок-а, — сказал он. — Ничего. Новое ис-
печёшь.

Хэри опустилась на колени рядом с ним. Потом её больше
всего удивило, что она не заплакала. Руки у неё стали ледя-
ными, и она не могла понять, чьи пальцы холоднее, её или
его.

Двери в конце коридора открылись. Из бального зала вышли люди. Впереди шла председатель Хван Ынсук, за ней мужчины в смокингах, а за ними, чуть сбоку, Пэк Ихён.

Председатель остановилась в двух шагах от упавших камелий. Посмотрела на ковёр. На торт. На Хэри, стоящую на коленях. На старика в коричневой куртке.

Она ничего не сказала. Председатель вообще редко говорила. За неё сказала Кан-сонбэ, которая появилась откуда-то сзади, бледная, с салфеткой в руках:

— Прошу прощения, председатель. Это наш контрактный работник. Она будет немедленно отстранена.

Хэри поднимала отца с пола. Он оказался очень тяжёлым, хотя за последний год сильно похудел. Охранник подхватил его с другой стороны. Отец послушно встал, отряхнул куртку и огляделся с вежливым интересом гостя, который пришёл на чужой праздник.

Его взгляд упал на Пэк Ихёна.

Отец смотрел долго. Хэри видела, как в его глазах проходит что-то похожее на рябь по воде, и как вода снова становится чистой. Потом отец улыбнулся. Это была его старая улыбка, ещё с Чеджу, с лодки, с тех лет, когда он катал туристов вокруг скалы Сонсан и рассказывал им, что на дне живёт морской дракон, который любит мандарины.

— Мальчик, — сказал отец ласково, обращаясь к директору, — а где твой жёлтый дождевик? Дождь же идёт. Простудишься.

В коридоре стало тихо.

Хэри смотрела на Пэк Ихёна и видела, как с его лица уходит цвет. Ушёл он сразу, как гаснет лампа, когда дёргают шнур. Рука его, державшая бокал с водой, застыла на полу, и вода в бокале мелко задрожала. Он не двигался. Он, кажется, не дышал.

Председатель Хван повернула голову и посмотрела на сына. Потом снова на старика. Лицо её не изменилось. Только пальцы, сложенные на поясе ханбока, сжались плотнее.

— Уведите, — сказала она охраннику негромко. — Аккуратно. Это пожилой человек.

И пошла обратно в зал. Гости пошли за ней. Через минуту из-за дверей донёсся голос ведущего, который обещал, что торт будет через несколько минут, и смех, и музыка.

Пэк Ихён стоял в коридоре один. Бокал у него в руке перестал дрожать. Он посмотрел на Хэри так, будто видел её впервые, и в то же время так, будто знал её очень давно и забыл, откуда. Потом развернулся и ушёл, не сказав ни слова. Секретарь Ли догнал его у лифта.

Сыну, бледный, уже командовал официантами: нижние два яруса целы, верх соберём из запасных камелий, у Кансонбэ есть ягоды, свечи поставим в центр, никто не заметит. Он оглянулся на Хэри.

— Иди, — сказал он тихо. — Иди с отцом. Я всё сделаю.
* * *

Домой, на крышу в Мангвоне, она вернулась в третьем ча-

су ночи. Отца отвезли в Ыйджонбу на такси, она ехала с ним и держала его за руку всю дорогу, а он рассказывал таксисту про морского дракона. Медсестра в доме ухода не спала и плакала: отец ушёл через пожарный выход, когда меняли смену, и сел на автобус, и никто не понял, как он вообще нашёл отель. Хэри знала как. На холодильнике в его комнате висела её фотография в белом кителе на фоне вывески «Пэксан Сеул».

В девять утра, ещё до того, как она проснулась, ей пришло письмо из отдела кадров. Контракт с Юн Хэри расторгнут с сегодняшнего дня. Расчёт будет перечислен в течение четырнадцати дней. Пропуск сдать на посту охраны.

Соми прочитала письмо через её плечо и обняла её сзади, молча, положив подбородок ей на макушку. Хэри погладила её по руке.

— Я сделаю тебе рамён, — сказала Соми. — С сыром. С двумя кусками сыра.

— Давай.

Председатель Ким сидел в банке плоский и серый, его не кормили со вчерашнего утра. Хэри достала муку и стала кормить. Ложка. Вода. Ложка. Она размешивала и думала о том, что мука кончится через две недели, расчёт придёт через четырнадцать дней, а в ночном магазине платят десять тысяч триста двадцать в час.

Телефон на столе вспыхнул. Сообщение было от номера, который она давно занесла под именем «Не братъ».

«Хэри-сси, доброе утро. Это дядя Чо. Напоминаю: в пятницу срок. Сто сорок миллионов. Если не получится, мы обсудим квартиру вашей бабушки на Чеджу, как договаривались. Хорошего дня».

Хэри положила телефон экраном вниз. Соми у плитки уронила крышку от кастрюли и выругалась.

Телефон зазвонил. Номер был незнакомый, городской, с кодом центра Сеула.

— Юн Хэри-сси? — Голос мужской, ровный, вежливый, с тем выражением, с каким разговаривают роботы на вокзале. — Вас беспокоит Ли Чансок, секретарь исполнительного директора Пэк Ихёна. Директор хотел бы встретиться с вами сегодня вечером. У него есть для вас предложение о работе.

— Меня уволили, — сказала Хэри.

— Директору это известно, — ответил секретарь Ли. — Поэтому предложение и поступает сегодня.

* * *

Глава 3. Договор на салфетке

Место выбрала Хэри. Секретарь Ли предложил ресторан на сорок первом этаже, потом японский бар в Итхэвоне, потом кабинет директора. Хэри сказала: «Палатка у моста Сонсан, красный тент, спросите Мисук-аджумму», и секретарь Ли после короткой паузы ответил: «Понял», таким голосом, будто ему предложили провести переговоры в шахте.

Пэк Ихён пришёл раньше. Когда Хэри подняла полог, он уже сидел на пластиковом табурете, слишком низком для его роста, колени почти у подбородка, в том же тёмном пальто, и смотрел на меню, написанное фломастером на картонке. Перед ним стояли бутылка воды и пустая рюмка.

Мисук-аджумма, хозяйка, жарила на плите гребешки и косилась на него с выражением кошки, к которой в дом пришла лиса в галстук.

— Хэри-я, — сказала она громко, — это твой?

— Это по работе, аджумма.

— По работе в одиннадцать вечера? — Мисук-аджумма хмыкнула и плюхнула на стол тарелку с огурцами в соусе, которых никто не заказывал. — Ешь, по работе. Худой.

Хэри села напротив. Сняла шарф. Ихён смотрел на неё так же, как в цеху, внимательно и закрыто, но здесь, под красным тентом, в свете единственной лампочки, обмотанной проводом, усталость в его лице была виднее.

— Вы извините, — сказала Хэри, прежде чем он открыл рот. — За торт. За отца. Он болен. Он не хотел.

— Я знаю.

— Откуда?

— Мне сказали в доме ухода. — Он заметил её взгляд. — Я позвонил узнать, как он доехал. Мне ответили, что он спит и что утром съел всю кашу.

Хэри не знала, что на это сказать, и взяла огурец.

— Меня уволили. Из-за меня у вас был испорчен праздник матери. Зачем вы меня позвали?

Он налил себе воды. Отпил. Поставил стакан ровно на круг, который остался на клеёнке от предыдущей бутылки.

— Мне нужна девушка, — сказал он.

Мисук-аджумма у плиты уронила щипцы.

— На шесть недель, — продолжил он, не оборачиваясь. — Вернее, до десятого декабря. Моя мать хочет, чтобы я обручился с наследницей группы «Арин». Помолвку собираются объявить на собрании акционеров десятого декабря. Там же совет будет решать, кто станет вице-председателем группы. Я или мой дядя.

— И при чём тут я?

— Если до собрания у меня будет девушка, которую видели все, семья «Арин» объявлять ничего не станет. Им это невыгодно. Они не захотят выглядеть людьми, которые покупают жениха у другой женщины. Помолвка тихо отменится, и никто не потеряет лицо.

— Кроме вашей матери.

Он чуть помолчал.

— Мать переживёт. Она всё переживает.

Гребешки на плите зашипели громче. Мисук-аджумма от-
вернулась слишком старательно и начала мыть уже чистую
тарелку.

— Почему я? — спросила Хэри. — У вас, наверное, пол-
ный телефон девушек, которые за такое заплатили бы сами.

— Вы видели меня у реки в два часа ночи, — сказал он,
— и не знали, кто я. Вы потратили на меня четыре тысячи
двести вон, когда у вас самой было мало. Вы сказали правду,
что не хотите правды. Таких людей у меня вокруг нет.

— Откуда вы знаете, что у меня было мало?

— Вы посчитали в уме перед тем, как нажать кнопку. Я
видел, как шевелились губы.

Хэри почувствовала, что краснеет, и разозлилась на себя
за это.

— А ещё, — сказал он ровно, — вам нужны сто сорок
миллионов до пятницы.

Стало тихо. Даже машины на мосту, казалось, поехали ти-
ше.

— Вы и это узнали в доме ухода?

— Нет. Секретарь Ли нашёл вашего кредитора. Это было
несложно, он не прячется. У него сайт с отзывами.

— И что, хорошие отзывы?

— Четыре и семь из пяти. Пишут, что вежливый.

Хэри засмеялась. Это вышло неожиданно и неприлично громко, она закрыла рот рукой, а смех лез сквозь пальцы. Ихён смотрел на неё серьёзно, и от этого становилось только смешнее. Мисук-аджумма у плиты покачала головой.

— Сто пятьдесят миллионов, — сказал он, когда она отсмеялась. — Половина сразу, половина в конце. Вы закрываете долг. Остаток на отца.

Хэри перестала смеяться. Она взяла салфетку из подставки, тонкую, серую, из тех, что рвутся от одного взгляда, и достала из сумки ручку.

— Тогда пишем, — сказала она.

— Что пишем?

— Договор. Я не подписываю того, чего не прочитала. Бабушка учила.

Он смотрел, как она расправляет салфетку на клеёнке, и в глазах у него мелькнуло что-то похожее на веселье. Он не улыбнулся, но откинулся на табурете, насколько позволял табурет.

— Пишите.

Хэри вывела сверху: «Договор». Подумала. Добавила: «между Юн Хэри и директором».

— Пэк Ихёном, — подсказал он.

— Я знаю, как вас зовут.

— Пункт первый, — сказал он. — Срок.

— Вы сказали до десятого декабря.

— До собрания.

— Собрание могут перенести, — сказала Хэри. — У богатых всё переносят. Мне нужна дата, которую никто не перенесёт.

Она посмотрела на полог палатки, сквозь щель в нём на реку и на небо над ней, низкое, мутное, ещё совсем осеннее.

— До первого снега, — сказала она. — Как только пойдёт первый снег, договор окончен.

— Первый снег в Сеуле бывает в конце ноября, — заметил он.

— Значит, вы получаете на две недели меньше. Не нравится, ищите другую.

Он помолчал, потом кивнул. Хэри написала: «1. До первого снега».

— Второе, — сказал он. — На людях мы держимся за руки.

— А наедине?

— Наедине не обязательно.

Она записала. Буквы немного поехали.

— Третье, — сказала Хэри и подняла ручку, как указку. — Никаких вопросов о прошлом. Ни о моём отце. Ни о моей семье. Ни о долге, откуда он взялся.

Он посмотрел на неё долго. Хэри видела, что он хотел что-то спросить. Вопрос стоял у него в глазах, и она знала какой: про жёлтый дождевик. Она тоже хотела спросить, почему он побелел в коридоре, почему у него дрожала вода в бокале. Но если начать спрашивать, придётся отвечать.

— Хорошо, — сказал он наконец. — В обе стороны.

— В обе стороны, — согласилась она и записала.

— Четвёртое. — Он взял у неё ручку, их пальцы соприкоснулись, и оба сделали вид, что не заметили. Он написал своим почерком, мелким, наклонным, очень ровным: «4. Не влюбляться».

Хэри прочла. Взяла ручку обратно и дописала рядом, крупно: «Особенно вы».

— Почему особенно я?

— Потому что вы богатый, одинокий и плохо спите, — сказала Хэри. — Таким в дорамах всегда первыми сносит крышу. Я смотрела. Я знаю.

Мисук-аджумма у плиты фыркнула так, что у неё с головы съехала косынка.

— Пятое, — продолжила Хэри, пока он не успел возразить. — По пятницам я свободна. У меня посиделки с подругой. Это святое.

— Принято.

— Шестое. Вы едите всё, что я пеку, и говорите правду о вкусе.

Он поднял брови.

— Это зачем?

— Затем, что вы единственный, кто сказал, что моя булочка извиняется. Мне нужен такой человек, пока я не открою пекарню.

— Вы хотите открыть пекарню?

— Это вопрос о прошлом.

— Это вопрос о будущем.

Хэри подумала.

— Ладно. Да. На Чеджу. Маленькую. С окном на море.

Он кивнул и ничего больше не спросил. Хэри дописала шестой пункт и снизу, отдельно, приписала: «Мне возвращают место в цеху».

— Без поблажек, — сказал он, прочитав.

— Без поблажек. И Кан-сонбэ пусть шипит на меня, как раньше. Если она перестанет, я пойму, что вы ей что-то ска-
зали.

Он расписался под всем этим. Потом она. Салфетка была мягкая, ручка проткнула её в двух местах. Хэри посмотрела на неё и поняла, что это самый важный документ, который она подписывала в жизни, если не считать бумаги у дяди Чо. Мисук-аджумма принесла гребешки и удон, хотя никто сно-
ва ничего не заказывал, и поставила между ними тарелки с таким стуком, будто ставила печать.

— Первое правило вступает в силу сразу? — спросила Хэ-
ри.

— Второе, — поправил он. — Первое уже в силе.

— Тогда второе. Мы же должны потренироваться. Вдруг завтра кто-нибудь увидит.

Он посмотрел на её руку, лежащую на клеёнке. Потом протянул свою. Ладонь вверх. Хэри положила в неё свою, и он сжал её пальцы.

Так жмут руку на подписании контракта. Сухо, крепко, на два счёта.

— Вы держите меня, как акционера, — сказала Хэри.

— Как держат правильно?

— Не знаю. Пальцы как-то. Вот так.

Она развернула ладонь и просунула свои пальцы между его. Пальцы у него были холодные, длинные и чуть шершавые на кончиках, не как у человека, который всю жизнь подписывает бумаги. Хэри почувствовала, как у неё по запястью вверх, к локтю, побежали мурашки, и испугалась, что он заметит.

Он смотрел на их руки, сплетённые на красной клеёнке между тарелкой гребешков и бутылкой воды. Смотрел так внимательно, будто видел схему, которую нужно запомнить.

— Холодные, — сказала Хэри, чтобы что-нибудь сказать.

— У меня всегда.

— Так нельзя. Девушка почувствует и подумает, что вы её не любите.

— А что делать?

— Держать дольше. Согреются.

Он не отпустил. Хэри тоже. Они сидели так, наверное, минуту. Она не считала, и это было странно: впервые за много дней она ничего не считала. Его пальцы теплели медленно, с кончиков. Где-то на середине этой минуты его большой палец сдвинулся и один раз, очень осторожно, прошёл по её костяшкам, туда и обратно, будто проверял, настоящие ли.

Кажется, он сам этого не заметил. Хэри заметила и перестала дышать. Где-то у моста просигналило такси. Мисук-аджума включила радио, и оттуда запела старая баллада про разлуку на вокзале в Пусане.

— Я уберу руку, — сказал он вдруг тихо. — Если вам неприятно.

— Мне не неприятно, — ответила Хэри и сразу пожалела, потому что это прозвучало не так.

Он посмотрел на неё. Потом очень аккуратно, будто ставил на место хрупкую вещь, освободил пальцы и положил руку на стол рядом с её рукой.

— Тренировка окончена, — сказал он.

— Вы молодец. Для первого раза.

— Спасибо.

Он сказал «спасибо» так серьёзно, что ей снова захотелось смеяться, но она не стала. Она сложила салфетку вчетверо и убрала во внутренний карман сумки, туда, где хранила паспорт.

— Деньги придут в пятницу утром, до срока, — сказал он, вставая. Голова его задела полог, на плечи пальто посыпались капли от недавнего дождя. — Кредитору платите сами. Если он попробует взять больше, позвоните секретарю Ли.

— А вы что, ему нос разобьёте?

— Нет. Я куплю здание, в котором его офис.

Он сказал это без улыбки. Хэри не поняла, шутка это или нет, и решила не уточнять.

Она смотрела на него снизу вверх, с табурета, и думала о цифрах. Сто сорок дяде Чо. Десять останется. Это четыре месяца дома ухода для отца, если не покупать ему новые тапки. Или три, если покупать. Она шесть лет жила, складывая и вычитая, и сейчас впервые за шесть лет у неё в голове вышел плюс. От этого плюса почему-то защипало в носу. Хэри быстро взяла гребешок и сунула в рот целиком, чтобы было чем объяснить слёзы, если они появятся. Гребешок оказался горячим. Слёзы появились. Ихён молча придвинул к ней свой стакан с водой.

— Остро, — сказала Хэри с полным ртом.

— Вижу, — ответил он.

Мисук-аджумма вытерла руки о фартук и подошла к нему.

— Тридцать две тысячи, — сказала она. — Гребешки, удон, огурцы.

— Огурцы мы не заказывали.

— Огурцы все едят. Плати.

Он достал кошелёк, на этот раз при себе, и заплатил пятьюдесятью, и не взял сдачи. Мисук-аджумма посмотрела на купюру, потом на него, потом на Хэри и сказала:

— Береги её. Она у меня в прошлом году в ливень две ночи палатку держала, когда ветер тент рвал. Одна. Пока я в больнице лежала.

— Аджумма, — сказала Хэри.

— Что аджумма? Пусть знает, с кем договор пишет.

Ихён посмотрел на Хэри так, будто ему сообщили важную цифру, которую он проглядел в отчёте.

Они вышли из палатки вместе. Ночь была сырая, асфальт блестел. Мост Сонсан висел над рекой длинной цепью огней. Хэри застегнула куртку и уже собиралась сказать «до свидания, директор», как это говорят начальству, когда у обочины, в трёх шагах от палатки, остановилась чёрная машина.

Машина была длинная, с тёмными стёклами, и подошла так тихо, будто сама сгустилась из темноты. Водитель в фуражке вышел и открыл заднюю дверь.

Ихён рядом с ней выпрямился. Хэри почувствовала это, не глядя: он стал на сантиметр выше и на градус холоднее.

Из машины не вышли. Только опустилось стекло. В глубине салона, в мягком свете, сидела председатель Хван Ын-сук, в тёмном пальто, с жемчужной ниткой на шее. Сына она будто не заметила и смотрела на Хэри.

— Юн Хэри-сси, — сказала председатель. Голос был негромкий, спокойный, как вода в глубоком колодце. — Вы едите рыбу?

— Да, — сказала Хэри, потому что ничего другого придумать не смогла.

— Хорошо. В воскресенье у нас будет рыба.

Она перевела взгляд на сына.

— В воскресенье ужин, Ихён. В семь. Приведи её.

Стекло поднялось. Водитель закрыл дверь, сел за руль, и машина уехала так же беззвучно, как появилась. Задние огни

мигнули на повороте к мосту и исчезли.

Хэри медленно повернулась к нему.

— Пункт второй, — сказала она. — На людях держимся за руки. Это она за нами следила, или ваш секретарь продал вас за премию?

Ихён смотрел вслед машине.

— Ни то, ни другое, — сказал он. — Она просто всегда знает.

Он протянул руку ладонью вверх. Хэри посмотрела на неё и положила свою. Пальцы у него снова были холодные.

* * *

Глава 4. Воскресный ужин в Сонбук-доне

Дядя Чо принимал платежи в кафе на втором этаже торгового центра в Ёндыпхо, между магазином сумок и стоматологией. Он сидел у окна в синем спортивном костюме, с термосом, из которого пил женшеневый чай, и при виде Хэри поднялся и поклонился.

— Хэри-сси. Как здоровье отца?

— Спасибо, лучше.

— Хорошо. Старших надо беречь.

Деньги пришли на её счёт в пятницу в восемь утра, ровно семьдесят пять миллионов, и ещё через час шестьдесят пять. Секретарь Ли прислал короткое сообщение: «Директор решил, что аванс должен закрывать долг целиком. Остаток в десять миллионов в день, указанный в пункте 1». Хэри смотрела на сумму долго, пересчитывая нули, будто они могли сбежать.

Она перевела дяде Чо сто сорок миллионов прямо при нём. Он проверил телефон, кивнул и аккуратно убрал телефон в карман костюма.

— Остаётся двадцать, — сказал он мягко.

— Как двадцать? Вы сами написали: в пятницу, сто сорок.

— Я написал, когда срок. А сколько, пишет договор. Сто

сорок было к первому числу. Сегодня двадцать третье. Пени. Пункт девятый, мелким шрифтом. Вы подписывали.

Хэри помнила этот договор. Она подписала его в больничном коридоре в два часа ночи, когда отцу ставили диагноз, а предыдущего кредитора надо было закрыть до утра. Мелкий шрифт она тогда не читала. Бабушка бы не одобрила.

— Бумагу на квартиру бабушки я подержу у себя, — сказал дядя Чо, — пока не будет двадцати. Не волнуйтесь, никто её не тронет. Мы же люди.

— Да, — сказала Хэри. — Люди.

Она вышла из торгового центра на солнце и долго стояла у светофора, пропуская зелёный за зелёным.

* * *

В воскресенье Соми сделала ей причёску. Соми рисовала вебтуны и считала, что всё, что можно нарисовать, можно сделать руками, поэтому пыталась уложить волосы Хэри так, как укладывала их героиням.

— Не дёргайся. У меня в седьмой главе так ходила невеста на смотрины, у неё был гладкий низкий пучок и одна прядь у лица. Это значит «я скромная, но с характером».

— А если без пряди?

— Без пряди значит «я пришла за деньгами».

Хэри перестала дёргаться.

Платье тоже было Соми, тёмно-синее, с высоким воротником, купленное на свадьбу кузины и надетое один раз. В талии оно было Хэри велико, и Соми подколола его сзади

двумя булавками.

— Главное, не наклоняйся резко, — сказала она. — И не ешь много. И если председатель спросит, кем ты видишь себя через пять лет, говори «рядом с вашим сыном». Это работает.

— Откуда ты знаешь?

— Девятая глава.

Председатель Ким остался на столе в банке, сытый, и Хэри погладила банку пальцем перед уходом.

Ихён ждал внизу, у подъезда, рядом с серой машиной, которую вёл сам. Он увидел её, и что-то в его лице на секунду сбилось, как сбивается шаг на неровной ступеньке. Потом он открыл ей дверь.

— Вы сами водите? — удивилась Хэри.

— В воскресенье у водителя выходной.

— У председателя тоже?

— У председателя водитель не берёт выходных. Он сам отказывается.

Они ехали через весь город на север. Сеул в воскресенье вечером был мягкий и медленный: семьи с детьми у кафе, парочки в одинаковых свитерах, старики с собачками на набережной Чхонгечхона. Хэри смотрела в окно и держала на коленях коробку. В коробке был пирог с мандаринами, который она пекла с пяти утра, и коробка была перевязана бабушкиным узлом.

— Что там? — спросил Ихён на светофоре.

— Подарок. С пустыми руками в гости не ходят.

— Мать не ест сладкое.

— Значит, съедите вы. Пункт шесть.

Он отвернулся к своему окну, но Хэри успела заметить, как у него дёрнулась щека.

На подъезде к Сонбук-дону дорога пошла вверх, между каменными заборами, за которыми не было видно домов, только верхушки сосен. Здесь было тише, чем в остальном городе, и темнее. Фонари горели редко, жёлтым.

Перед тем как выйти из машины, Ихён протянул ей руку ладонью вверх. Хэри положила свою. Пальцы у него были холодные.

— Держите дольше, — напомнила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.